

Пока дышу

Пролог

На экране большого телевизора непрерывным потоком идут новостные выпуски. Торопливые сводки происшествий сменяются репортажами с мест событий.

– Мне с большим трудом удалось пробиться в приёмное отделение. Посмотрите, сколько здесь народа! Осторожнее, пожалуйста! Что вы делаете? – высокий растрёпанный брюнет с микрофоном старается увернуться от дородной женщины в коричневой вязаной кофте. Её лицо перекошено ужасом и гневом, она невнятно бормочет и пытается вырвать микрофон из его рук.

Окружённые толпой, двое мужчин в униформе медицинских работников прижаты к регистрационной стойке. Крики: «Вот! Вот пусть они ему скажут! Пусть все знают». Человека с микрофоном выталкивают вперёд.

– Скажите, есть какие-нибудь догадки по поводу болезни? Что это? Какие-то лекарства? Рекомендации? – наседает он на врачей.

Один из медиков, бледный, на лбу – испарина, взгляд растерянный, пытается оттолкнуть человека с микрофоном:

– Вы мешаете работать. Сами видите, что происходит, дайте пройти! Там больные люди!

Человек с микрофоном не унимается, под ропот и выкрики толпы продолжает спрашивать:

– Что это? Эпидемия? Почему вы не дадите рекомендаций населению? Что вы скрываете?

Громкие крики за спинами толпы перекрывают несмолкающий вой сирен с улицы.

Подъездная дорога к больнице забита машинами скорой помощи. Ревут сирены. Камера выхватывает из вереницы людей лицо пожилого мужчины – оно покрыто крупными каплями пота, глаза слезятся. Он тяжело, со свистом втягивает воздух, оседает на асфальт возле ограды и замирает, привалившись к ней спиной. Камера дёргается, за кадром голос: «Надеюсь, он жив? О Боже!»

Смена кадра. Человек с микрофоном на фоне машины скорой помощи.

– Вы всё видите сами. Правительство молчит, медики не отвечают на вопросы, а испуганные люди продолжают атаковать медицинские учреждения по всей стране. С вами был Джереми Кроун, Си-эн-эн, из Пресвитерианского госпиталя Нью-Йорка.

В комнате полумрак, свет едва пробивается сквозь неплотно задёрнутые шторы. Телевизор продолжает работать круглые сутки, но мужчина, который скорчился на диване напротив, его больше не видит. Он мёртв.

...как сообщают все ведущие информационные каналы мира. Проявления болезни носят неодинаковый характер, но распространяются повсеместно и не затрагивают детей, не достигших семнадцати-восемнадцати лет. Стремительное развитие онкологических или сердечно-сосудистых поражений организма не поддаётся стандартным методам излечения и приводит к летальному исходу на третьи-четвёртые сутки после возникновения. Медики и учёные всего мира пока не могут дать определённый ответ...

...катастрофически. Не покидайте своих жилищ без крайней необходимости. Будьте особенно осторожны при управлении транспортными средствами...

...нарушено железнодорожное и воздушное сообщение. Страны Евросоюза пытаются противостоять... Введено военное положение...

...отмечаются случаи массового дезертирства из воинских частей. Паника в аэропорту Хитроу привела к многочисленным жертвам...

...мы работаем в тесном сотрудничестве с ведущими лабораториями, с ВОЗ, с военными. Эпидемиологи, вирусологи, генетики – все крупнейшие учёные заняты поиском причин «синдрома Гоширу», по имени Леонарда Гоширу, первого врача, забившего тревогу, покойного, к сожалению. На сегодняшний день никто не может дать определённый прогноз...

...Количество техногенных катастроф растёт по всему миру, Совет безопасности ООН призывает правительства всех стран приостановить работу опасных производств до дальнейшего прояснения ситуации с массовыми случаями внезапных смертей.

...Четырнадцатая авиакатастрофа за текущие сутки привела к многочисленным жертвам в пригороде Парижа...

...через несколько минут президент Соединённых Штатов Америки выступит с обращением к нации...

...Дорогие россияне...

...Премьер-министр Великобритании выступила с обращением к подданным Её Величества...

Трой

Мы встречаем свою судьбу на пути, который выбираем, чтобы уйти от неё.

Жан Лафонтен

– Не входи! – ревёт из-за двери родительской спальни отец, когда мама впервые за несколько часов перестаёт кричать. Но сначала звучит выстрел, и Трой вскрикивает тоненько, по-птичьи: «Мам?». А потом уже отцовский яростный рык пригвозждает девятилетнего мальчика к полу намертво. Он только вздрагивает, дёргается на звук второго выстрела и долго сидит так – прижимаясь спиной к простенку в узком коридоре второго этажа, подтянув колени к подбородку и сцепившись зубами в рукав клетчатой рубашки. Оливкового цвета стена напротив украшена фотографиями в белых рамках: мама с папой смеются, пытаюсь удержать в руках огромную рыбину; папа и Трой на скамейке в парке – ноги одинаково скрещены, даже прищур одинаковый; Трой с рюкзаком в первый школьный день, в глазах – страх и неуверенность...

Тело застыло, слабенькие мышцы сведены каменной судорогой такого всеобъемлющего ужаса, что через какое-то время в глазах чернеет, словно он внезапно

ослеп. Как будто обрушившийся с этими выстрелами мир похоронил Троя под лавиной обломков. Не оставил ни света. Ни воздуха. Ничего.

«Помогите!» – замирает в горле сухим хрипом. Ни к кому не обращённое, безнадёжное. Кто и кому должен помочь?

...Он бежит бездумно, шарахаясь от редких прохожих с серыми от боли лицами, покачивающихся и стонущих, захлёбывается слезами и страхом, от которого перехватывает дыхание. Отцовский пистолет больно колотит по бедру, утонув в глубоком кармане куртки, купленной мамой «на вырост». Какой-то другой, отчаянно смелый мальчик вошёл в родительскую спальню, вынул оружие из прохладных неживых пальцев отца, натянул цветастое покрывало поверх неподвижных тел и заляпанных кровью подушек до самого изголовья, стараясь не смотреть папе и маме в лицо. Задёрнул шторы и вышел из дома, плотно закрыв за собой дверь. Это никак не мог быть он, Трой. Размазывая по лицу слёзы и сопли, мальчик замирает и беспомощно оглядывается.

У перекрёстка Пятнадцатой Ист и Пёрл-стрит, по которой его возят в школу, на ступенях Баптистской церкви лежит женщина. Рядом неподвижно сидит, свесив с колен руки и низко опустив голову, один из служителей, весь в чёрном. Трой опрёмтью кидается к нему. Он просто не знает, что ещё делать.

– Сэр? – голос срывается, получается жалко и неуверенно.

Мутные, невидящие глаза на покрытом фиолетовыми пятнами лице служителя смотрят в никуда. Трой видит это, когда трогает его за плечо. Человек просто падает, заваливается набок, мёртво глядя прямо перед собой. И тогда мальчик наконец кричит, выталкивая из груди болезненный ком. Смирясь с тем, что происходящее – самая что ни на есть реальная реальность. Что все ужасные новости, которые выдавал последние дни не выключавшийся в гостиной телевизор – не телестановка или очередной сериал, а что-то ужасное, просочившееся с экрана в дом, заставившее маму закрыться в спальне, сгибавшее пополам отца, когда он в последний раз спускался за водой. Заставившее его родителей забыть о том, что у них есть сын... И за своим криком он внезапно слышит другие – близкие и далёкие, надрывные вопли чудовищной боли и жалобный плач отчаяния. Он зажимает уши руками, собственный крик превращается в сдавленный писк и затихает. Трой пятится прочь от нагретых солнцем ступеней, от безразличных мертвецов и упирается спиной в невысокую ограду палисадника. Жёсткий тычок штaketины между лопаток приводит его в чувство. Предметы вдруг обретают резкость, тени – глубину. Жуткие звуки отступают, сливаясь в неясный фон, в котором лишь изредка всплывает что-то особенно громкое, какие-то отдельные вскрики, далёкий грохот. Трой судорожно вдыхает через рот и делает несколько неуверенных шагов в сторону своей школы. Туда, где он надеется увидеть хоть одно знакомое лицо взрослого, который непременно ему поможет. Он всё ещё не верит, что эта жизнь кончилась, начинается совершенно другая.

Каждый раз, когда ему приходилось оказываться поблизости от квартала, в котором когда-то жил, Трой вспоминал именно этот день. Вспоминал отстранённо, словно переживания, навсегда отпечатавшиеся в памяти, принадлежали вовсе не ему. Однако вернуться в свой дом он так никогда и не решился. Скорее всего то, что осталось от родителей, так и лежало в спальне второго этажа, заботливо укрытое покрывалом.

Он перегнулся через край рассохшейся оконной рамы и плюнул вниз, на замусоренные плиты пустой площади перед городской ратушей. Стёкла в узком окне на

самом верху башни отсутствовали, под ладонью шуршали облезавшие чешуйки старой краски. Здесь, в центре города, было очень тихо. Солнце заботливо вылизывало крыши уцелевших зданий, красно-коричневыми островками выпирающих из моря разросшихся вязов. За мутными стёклами уцелевших витрин прятались тени. Несколько машин вросли в асфальт дисками спущенных колёс на стоянке перед давно разграбленным супермаркетом. Зияло пустыми глазницами окон и закопченными стенами выгоревшее здание управления шерифа. Чаша сухого фонтана в центре площади, заполненная прошлогодней прелой листвой, выглядела как мишень с круглой шапочкой разбрызгивателя в «десятке». И всё это укутывала вязкая тишина запустения.

Трой задержал дыхание, но сколько бы он ни прислушивался, не смог различить ни единого постороннего звука. Центр города был совершенно мёртв. «Они думали, что правят миром. Они играли в свои взрослые игры. Они боялись потепления, похолодания и ядерной войны. Но всё закончилось гораздо быстрее. И страшнее. Их просто не стало. Потом не стало и многих из нас. А скоро вообще никого не останется...» – почти без горечи мысленно констатировал он, прикинув, хватит ли времени, чтобы пройти длинным путём до наступления темноты. За спиной послышался шорох и быстрое тупое постукивание. Трой обернулся. Бади яростно чесался, барабаня задней лапой по деревянному полу. В полосе солнечного света искрились пылинки, потревоженные вознёй старого пса. Бросив последний взгляд на площадь, Трой направился к лестнице. Лохматый лобастый чёрно-бело-коричневый пёс поднялся и потрусил позади. Над городом висел изнурительно жаркий июньский день седьмого лета после катастрофы.

Патрулировать заброшенные районы в компании с Бади было одним из любимых занятий. Пусть им давно не попадался ни один забредший в город чужак, готовый покуситься на тающие резервы его последних обитателей – Трой нравилась настороженная тишина пыльных улиц; прячущиеся за переплётками пустых рам тени; холодок, пробегающий по спине всякий раз, когда старый пёс вдруг настораживался, замирая с вытянутым параллельно земле хвостом. Всё это позволяло поддерживать себя в форме, не слишком расслабляясь, как это делали другие. Привычка не доверять никому и ничему, полагаясь лишь на собственные силы да верность собаки, много раз спасала ему жизнь, и Трой предпочитал игнорировать обманчивое спокойствие последнего года. Да, их оставалось всё меньше – старшие продолжали умирать, едва достигнув восемнадцати, а девчонки беременели редко и всё заканчивалось выкидышами или того хуже. Так что все они, оставшиеся, были обречены, но это вовсе не значило, что стоило умирать раньше времени из-за собственной неосмотрительности.

Трой свернул в переулок, обходя стороной огромное пепелище – целый район аккуратных коттеджей и медицинский колледж выгорели дотла. Казалось, в воздухе до сих пор ощущается запах гари. Рухнувший туда громадный пассажирский самолёт сработал, словно искра в стоге сена. Устоявшие в пламени стены тарачились пустыми глазницами окон на спёкшийся в корку асфальт. Там царил тишина, даже птицы не осмеливались нарушить мрачную, выплавленную в огне обстановку этого страшного места. Трой казалось, что если ад существует, то выглядит он примерно так – лишённый жизни, оплавленный, залитый могильной тишиной. Улица за улицей пустых, разорённых домов, брошенных машин, заросших скверов. Никаких следов присутствия человека. Бади держался рядом, готовый предупредить об опасности раньше, чем Трой мог бы её обнаружить, но ничего не происходило. И всё же он смог расслабиться только тогда, когда за деревьями блеснула река. Все, кто остался в живых из пары тысяч детей и подростков, оказавшихся в городе во время Последних дней, давно перебрались жить поближе к воде.

***

– Отрезал бы ты уже свои космы! – брезгливо поморщившись, буркнул Трой, с неприязнью покосившись на Коротышку Ленни.

Тот надвинул на нос козырёк засаленной бейсболки, чтобы низкое солнце не било в глаза, и водрузил на торпедо худые ноги в коричневатых от грязи джинсах и истрёпанных, заношенных до дыр кедах. Какие у парня были проблемы с мытьём, Трой не знал, но от него вечно несло потом, а слипшиеся от грязи волосы, отросшие до самых плеч, воняли кислятиной.

– Попроси Руди, он стрижёт совсем неплохо, – словно в подтверждение, Трой провёл ладонью по короткому светлому ёршику на затылке.

– Да иди ты! Ни за что! – фыркнул Ленни, тряхнув неопрятной гривой спутанных кудряшек, отчего кислый запах только усилился. – Его машинка здорово смахивает на ту, которой мой дед стриг овец. Лихо он ей орудовал, не признавал электрических. Овцы, правда, не жаловались.

Парень растянул полные губы в ухмылке, а Трой отодвинулся подальше, к окну, обречённо вздохнув. Единственное, что оставалось чистым у этого безалаберного неряшливого паренька – глаза. Яркого-голубые, с простодушной ясностью невинного ребёнка, на самом деле они маскировали его невероятную наглость и полное отсутствие каких-либо принципов. Попасть на дежурство вместе с Ленни было для Троя сущим наказанием.

Кабина старого грузовика, который перегораживал улицу в самом узком месте, раскалилась за день. Вонь, идущая от напарника, смешивалась с запахом нагретого железа и пыли, а снаружи не было ни ветринки. Деревья в конце улицы замерли неподвижными бесформенными теньями, ни один лист не шевелился. Ущелье Саммит-стрит плавилось в мареве накопленного жара, а стены трёхэтажных зданий и растрескавшийся асфальт щедро возвращали его обратно, лишая наступающий вечер долгожданной прохлады. Дежурство предстояло не из весёлых. Этот пост был одним из самых старых и находился довольно далеко от небольшого района между Ривер-Сайд и рекой, где они теперь жили, но именно отсюда вела дорога к обломкам моста и Миссури. Именно здесь было «бутылочное горло» района, облюбованного оставшимися в городе.

Трой отхлебнул воды из пузатой фляги и положил свой вальтер на вытертое и иссохшее сиденье, чтобы был под рукой. Проржавевшая местами решётка, заменяющая в кабине ветровое стекло, расчертила пыльное торпедо квадратиками нечётких теней. Он знал, что ночные дежурства давно превратились в условность, но осторожность всегда брала верх над разумом – вытянуть ноги и засопеть в спокойном сне, как это сделал Ленни, он не мог. В голову лезли дурацкие мысли, под передним колесом возился и вздыхал Бади.

Сумерки быстро сменились темнотой, и Трой выбрался из кабины, чтобы запалить огонь в двух железных бочках, что стояли в пяти ярдах впереди грузовика по обе стороны дороги. Искры взметнулись в небо роем алых светлячков, пламя затрещало, пожирая промасленные чурбачки и обломки старой мебели. Пятно тёплого света разогнало мрак перед машиной, роняя отсветы на облезший никель решётки радиатора. «Голова» грузовика была вывернута в сторону далёкого парка, а облезлый металлический фургон ФедЭкс на заломленной сцепке почти упирался в противоположные стены домов. Пространство под колёсами было плотно забито разнообразным железным хламом. Миновать его можно было только пройдя насквозь через крохотную риэлторскую контору, задний двор и выйдя через сувенирную лавку под покосившейся вывеской, с другой стороны машины.

Перед тем как забраться в кабину, Трой нагнулся у спущенного колеса и запустил пальцы в мягкую шерсть пса, почти невидимого в темноте своего убежища. Это его и

спасло. Пуля чиркнула по правой стороне головы, срывая кожу вместе с волосами, и вонзилась в резину. Эффект был такой, словно по голове со всего размаху двинули бейсбольной битой. Из глаз Троя посыпались искры, он крепко приложился о железную подножку кабины левым ухом – так мотнулась голова – и рухнул в пыль. Из последних сил, смаргивая огненные круги перед глазами, прошипел «замри!» собаке и провалился в черноту.

Сначала вернулись звуки. Хлюпающий – у самого лица, приглушённой стрельбы и громких криков – в отдалении. Следом – голову пронзила острая боль. По лицу елозило что-то влажное и тёплое. С трудом разлепив глаза, Трой попытался приподняться, отталкивая лохматую башку Бади, который тихонько взвизгнул и ещё настойчивей продолжил соваться ему в лицо. Голова кружилась. Застонать не дала подкатившая к горлу едкая горечь, Трой сцепил зубы и прислонился плечом к колесу, чтобы не упасть. «На нас напали... Снайпер стрелял, что ли? Бади не учуял...» Мысли, тягучие и неповоротливые, с трудом удерживаясь в гудящей голове. Настойчивое желание ощупать собственный череп останавливал липкий, противный страх наткнуться на мягкую упругость открытого мозга. Видел он, как без черепной коробки один паренёк бегал. Кругами и только направо. Недолго, правда... Бегать не хотелось. Не хотелось даже шевелиться, но и сидеть дольше было уже нельзя.

Вытерев руку о штанину, он осторожно дотронулся до головы, повыше уха. Рана имелась. Длинная горячая полоса, влажная от крови, пульсирующая болью. Шея, затылок и правая скула тоже были в липкой крови, которая местами начала подсыхать, стягиваясь коркой, но череп оказался цел!

– Надо выбираться, Бади, – прохрипел Трой. – Помощь нашим не помешает.

Кто бы ни прорвался в район, сейчас Трой оказался у него за спиной. Скорее всего, его приняли за мертвеца, а потому вряд ли ждали нападения. Заглянув в кабину, Трой поморщился – Ленни, похоже, даже не проснулся. Вот ему-то череп снесло, вместе с бейсболкой. Подробностей в темноте было не разглядеть, и слава богу! Неряха или нет, а Ленни был своим парнем, и выросли они вместе, хотя друзьями никогда не считались. Кто стал бы дружить с Коротышкой, которому лень было даже помыться? А у самого Троя друзей не водилось. Старый пёс да воронёный ствол пистолета, который так и остался, никем не замеченный, дожидаться хозяина на торпеду у самой решётки – вот и вся компания.

Огонь в бочках едва тлел и, пользуясь темнотой, в которой прекрасно ориентировался, Трой осторожно двинулся туда, где по-прежнему звучали выстрелы. Бади держался рядом, напряжённый и бесшумный. Трёхфутовый сгусток мрака, чуть более плотный, чем окружившая их чернота.

Решение оказалось неверным. На утоптанном пяточке перед лодочной пристанью, обычно освещённом только садовыми фонариками на солнечных батареях, пылал внушительный кострище. По обе стороны от него жались друг к другу две жалкие кучки подростков. «Девочки – направо, мальчики – налево», – проскочило в раскалывающейся от боли голове. Кучка слева была подозрительно мала. Трой сумел разглядеть пару знакомых лиц, но никакого отношения к его команде защитников города они не имели. «Фуражиры», так называл их когда-то Стив, так называли и сейчас. Те, кто выращивал еду, запасался дровами, мастерил и ремонтировал снаряжение для Защитников и Охотников. Ну и для остальных, конечно. Девчонок было куда больше. Почти все, даже малявки, вроде ревушей

во весь голос придурковатой Сю-Сю, которой едва стукнуло десять. Она прижималась лицом к сестре и блажила на весь район.

С чердака дома, полуразрушенного давнишним пожаром, куда забраться без риска для жизни могли бы немногие, ему было всё отлично видно. И слышно – звук над водой разносится далеко.

– Заткни ей пасть! – прикрикнул долговязый чужак с автоматом, который небрежно свисал с его левого плеча.

«Левша», – машинально отметил Трой. Белки глаз угрожающе сверкали на чёрном лице незнакомца, кудрявая шевелюра напомнила беднягу Ленни.

Дора присела перед девчонкой, прижимая её к себе, и что-то зашептала, но та не унималась, вырываясь и крича всё громче. Трой пытался сосчитать противников, но визг Сю-Сю ввинчивался в мозг, мешая сосредоточиться. Восемь? Девять? Чужаки держали на прицеле всех оставшихся в живых обитателей провинциального городка в округе Клейн, Южная Дакота, затерянного среди бескрайних полей самого малонаселённого штата Америки.

Трой не верил своим глазам. Быть того не может! Наверняка кто-то прячется в городе, как и он сам. Сегодня утром их было двадцать девять человек, не считая Фуражиров и девчонок! Словно в ответ на его мысли, в освещённое огнём пространство ступил Новичок. Тот самый, что прибил к ним недели три назад и на деле, чёрт возьми, доказал, что он прекрасный Охотник! Так, во всяком случае, ему рассказали, сам Трой познакомиться с парнем поближе не успел, даже имени его не узнал, только прилипшее прозвище. Принятый в сообщество бродяга сразу же стал ошиваться вокруг Алонсо, видимо, целя в его личную охрану, а Трой, напротив, старался не попадаться тому на глаза лишний раз. В прошлом они не раз сцеплялись между собой, а Алонсо был злопамятен.

Новичок подошёл к Сю-Сю и грубо выдернул её из рук сестры, залепив крепкий подзатыльник. Девушка от толчка потеряла равновесие и шлёпнулась на пятую точку, а визг ошеломлённой Сю-Сю оборвался на самой высокой ноте, словно ей вставили в рот кляп. Чернокожий дылда осклабился, сверкая зубами. Испуганные и подавленные пленники дружно отшатнулись. Даже Троя, который не находился в этот момент рядом, стало не по себе: красные отблески костра, отразившиеся в белках глаз и на зубах рослого чужака, придали ему почти дьявольский вид.

– Молодец, Грегори, – хлопнул он Новичка по плечу, – вы там закончили?

– Да. Сейчас остальные подтянутся. А Хорёк уже здесь?

Новичок и верзила явно увиделись не впервые. Пусть Троя и подстрелили, но сложить два и два он всё ещё мог. Вот почему их так легко сняли, вот почему сумели так быстро захватить город – три недели среди них жил чужой разведчик, чтоб его! Кулаки сжались сами собой.

Бади приподнялся и прижался к ноге, почувствовав состояние Троя. А он был зол! Да разве Стив, Громила Томас или Брэндон позволили бы такому случиться? Сколько атак, и каких, отразили Защитники в своё время! Но все эти парни были давно мертвы. Уплыли вниз по реке. Пошли на корм рыбам! Последний год заправлял в городе вспыльчивый как порох и ленивый Алонсо, не желающий никого слушать – вот и результат. Система, отлаженная временем, ещё держалась, но это была одна только видимость. Трой с горечью посмотрел на стоянку. Ему было жаль тех, кто испуганно жался друг к другу в круге пляшущего света, но помочь им он не мог.

Опустив руку на загривок пса, он несильно надавил вниз. Бади послушно растянулся на полу. Спорить собака не умела, да и о чём тут было спорить? Эта жизнь закончилась, начиналась другая.

Однако действие у костра было в самом разгаре. Из темноты одна за другой выныривали фигуры вооружённых парней. Последней в круг света вошла совсем уж странная пара: высокий сутулый субъект с длинными обезьяньими руками и крупной головой и худенький парнишка лет пятнадцати на вид, беззаботно поигрывающий большим пистолетом. Сутулый нависал над ним, как гора, но пацанчик никакого внимания на сутулого не обращал. Трой заметил, как вдруг подтянулись, приосанились остальные захватчики. И только демонического вида длинноволосый чернокожий, напротив, как будто уменьшился в росте, отступая в тень, словно старался стать незаметным. Трой не спускал глаз с уродливого громилы, изо всех сил вглядываясь в его застывшее, как маска, лицо. Ничего хорошего от человека с такой физиономией ждать не приходилось. Но когда он жестом фокусника выхватил из-за спины складной стульчик и разложил его перед пацаном со здоровенным пистолетом, у Троя невольно приоткрылся рот. Мальчишка сел, оперев локти в колени, и лениво повёл головой, осматривая пленников.

– Меня называют Хорёк, – произнёс он негромко.

От напряжения голова Троя разболелась ещё сильнее, он старался не пропустить ни слова. Голос был хрипловатым, низким, словно у парня болело горло, а может, так оно и было.

– Для вас, конечно, это неприменимо. Если захотите ко мне обратиться, лучше хорошенько подумайте – человек я занятой, а отнятое у меня время может стоить вам жизни. Можете называть меня «босс». Обязанности распределит Грегори, вы его знаете. Кто будет их исправно исполнять, у того не появится причин жаловаться на жизнь. Всё просто. Для начала я хочу, чтобы на рассвете здесь не осталось ни одного трупа. Ты, – повернул странный «босс» голову к чернокожему парню, почти растворившемуся в темноте, за спинами своих соплеменников, – проследи. И, девочки! Не расстраивайте сегодня моих ребят, они заслужили тёплый приём, верно?

В полной тишине, не дождавшись никакой реакции от перепуганных девочек, подросток встал и сделал три шага вперёд. Стайка девушек колыхнулась. Передние немедленно захотели оказаться в задних рядах, но их не пустили. Что они видели перед собой, что заставило их отшатнуться, Трой не знал. На фоне костра ему был виден только тёмный силуэт тщедушного, в общем-то, человечка.

Громила шевельнулся, по-змеиному быстро приблизился к своему боссу и выхватил из группы первую попавшуюся девушку. Трой вздрогнул. Это была Кейт. Когда-то он переспал с ней раз или два. Глупенькая, но симпатичная и добрая. Казалось, что сутулившийся бандит бесцеремонно обнял, просто облапил девушку, не успевшую издать ни единого звука. В оглушительной тишине прозвучал негромкий хруст. Можно было подумать, что это стреляет в огне древесина, но Трой знал, что именно трещало в лапах громилы – тот просто сломал Кейти шею. Тело бесшумно опустилось к его ногам.

– Хорёк не повторяет дважды, – прогнусавил довольно громко верзила. – Вам задали вопрос, сучки, верно?

Нестройные, дрожащие «да», произнесённые задушенным полушёпотом, и потрясённые всхлипы тихо уплыли вниз по течению Миссури. Тот, кто назвал себя Хорьком, повернулся и направился прочь. Неторопливая походка сытого хищника резко контрастировала с угловатым телом подростка. Лица его Трой так и не разглядел.

Решать – уходить немедленно, пока все были ещё на стоянке возле костра, или остаться и геройски подохнуть, защищая Фуражиров и девочек, которые только сейчас напуганы, а завтра охотно прогнутся под нового хозяина, как молча прогибались и раньше – да взять причуды того же Алонсо – нужно было сейчас. Трой сцепил зубы так, что заломило за ушами. Только инстинкт самосохранения удержал его от того, чтобы со всей

силы врезать кулаком в ободранную, лишённую отделки стену. Нет, ничем он им помочь не мог, а что было хуже – не хотел. И признаться себе в этом оказалось неожиданно горько. Он опустил взгляд на пистолет, зажатый в подрагивающей руке.

Где тот мальчишка, который наставил этот самый ствол в лицо Стиву? Стиву, которого боялись. Которому подчинялись беспрекословно. Тот девятилетний мальчик был полон решимости постоять за себя, а что может он, теперешний Трой? Но ведь тогда и сейчас он просто пытался выжить. Как и все эти семь лет. Всю свою чёртову жизнь! Конечно, постоять за кого-либо из товарищей по отряду Защитников – не вопрос. Да только их, судя по всему, больше не осталось. Умиравший город, в котором он прожил всю свою жизнь, погиб окончательно.

Трой засунул вальтер за пояс и кинул последний взгляд на площадку у костра. Там по-хозяйски расхаживали чужаки, отдавая распоряжения горстке подавленных пленников. Никаких иллюзий по поводу того, как будут обстоять дела под управлением такого стервятника, как маленький Хорёк, у Троя не было. Налётчики не могли не знать, что с припасами в городке всё обстоит не так уж хорошо, но, видимо, места, из которых их принесла сюда нелёгкая, вовсе опустели. Стараясь не думать, какая судьба ожидает оставшихся, когда шайка окончательно разорит город, Трой осторожно спустился с чердака, молча принял на себя нешуточный вес Бади, привыкшего к подобным упражнениям, и бесшумно выскользнул в заросший дворик позади развалин. Ни темнота, ни присутствие захватчиков не помешали ему уже через час смывать кровь в густых зарослях одичавшего парка, разросшегося до самой реки, на другом краю города.

Предместья, когда-то аккуратные, выгорели практически дотла. Одичавшая зелень милосердно скрывала пустые глазницы окон тех немногих домов, что устояли в огне. Полуразрушенные стены сиротливо обступали чёрные могилы провалившихся крыш. Асфальт растрескался и вздулся кочками, а местами просто исчез, словно его и не было никогда. Из трещин пёрла трава и мелкие кусты. Трой спотыкался впотьмах, в голове колыхался судень тупой боли.

***

Похоже, что природа была на его стороне. Рассвет не спешил, небо заволокло тучами, и первые крупные капли забарабанили по листьям над головой. Они всё ещё двигались вдоль реки, петляя между деревьями – две серых тени в серой предрассветной мгле. Город остался за спиной, и с каждым шагом что-то в груди Троя разжималось, отступало, словно он не бросил место, где родился и прожил всю сознательную жизнь, а вырвался из капкана. Пускай для этого и пришлось отгрызть часть собственной души.

Бади оглянулся и нервно зевнул.

– Всё в порядке, дружище, – пробормотал Трой, не слишком веря в собственные слова.

Не поверил ему и пёс. Крутанулся вокруг и лизнул опущенную руку.

Лямки старого брезентового рюкзака врезались в плечи, капюшон касался раны, и его пришлось снять. Бинтовать голову Трой не захотел, чтобы рана поскорее подсохла, только обработал, и теперь пожалел об этом. Дождь усилился, и вода потекла за шиворот куртки. Удивительно, но она оказалась ему впору! Неужели теперь он догнал в росте отца? Трой поёжился, вспомнив, откуда взялась отцовская куртка.

...Горячо пульсирующая боль, злость и досадное, сверлящее чувство вины за то, в чём никакой вины не было, почти физически тормозили Троя. Кроме всего прочего, боль

мешала думать связно. Уже оказавшись в центре города, погруженном в безмолвие и мрак, он всё ещё не имел чёткого плана, что делать дальше. Знал только, что с пустыми руками и в одной футболке далеко уйти не получится. И только когда ноги сами понесли в узкий простенок между двумя трёхэтажными домами на Пятнадцатой Вест по короткой дороге до места, которого он избегал все эти годы, которое было совсем рядом все эти годы, Трой сообразил, где находится.

Стёкла были целы, тускло отсвечивая, когда луна показывалась в разрывах облаков. Цела и дверь. Проржавевшая, оплетённая вьюном калитка жалобно скрипнула. Плитки садовой дорожки перекошились, и Трой запнулся в темноте у самого входа. Дверь оказалась заперта. Он не помнил, чтобы запирает её, когда уходил. Он плохо помнил тот момент. Ему было девять, и ему очень повезло, что он встретил Стива, пытаясь убежать от окружающего кошмара. Так он думал довольно долго.

Трой двинулся в обход. Присел перед узким подвальным окном. От нажатия оно скрипнуло рамой и неожиданно свалилось внутрь, в темноту, сорвавшись со ржавых петель.

Свечам время никак не повредило. Отец хранил их на полке у верстака. Трепетный огонёк выхватил из темноты знакомую до мелочей обстановку подвала, тени протянулись по лагам над головой. Из разбитого окна тянуло прохладой. Над верстаком, покрытым толстым слоем пыли, висели инструменты. В металлическом ящике под лестницей хранились оба отцовских ружья и коробки с патронами для них и вальтера, того самого, который был сейчас засунут за ремень промокших в реке джинсов.

В отличие от подвала, наверху воздух был застоялый, спёртый. И царил оглушительная тишина. Трой пробрался в кухню, почти не касаясь стен. Каким-то чудом тело помнило дом едва ли не лучше, чем голова. Мама хранила лекарства в верхнем ящичке высокой кухонной тумбы. Он выдернул его целиком. В носу засвербело от поднятой пыли. В аптечке нашёлся бинт, бутылочка со спиртом, стерильные салфетки в нетронутой упаковке. Он разодрал одну из них и прижал салфетку к ране. В нос ударил острый лекарственный запах. Память выхватила растворившийся во времени осенний день.

...Он стоит у этого самого стола, на серые плитки пола капает кровь из раны на месте снесённой об асфальт кожи на локте. Собирается в каплю и падает вниз. Мама суется у выдвинутого ящика, пытаясь отыскать что-то в его недрах, тёплая полоска солнечного луча пересекает кухню наискосок. Крупные красные кляксы плюхаются прямо в эту полоску на полу, и он специально немного отводит согнутую руку, чтобы капли не попадали одна на другую...

В ванной он смог наконец рассмотреть рану, предварительно поелозив пересохшим и пахнущим застарелой пылью полотенцем по грязному зеркалу над раковиной. Полудюймовой ширины лоскут кожи был срезан чуть выше уха. Кровавая полоска начиналась почти у затылка и заканчивалась ближе к виску. Смерть просвистела так близко, что Трой невольно поёжился. Из-за мутного стекла на него уставился скуластый, коротко стриженный парень с серыми глазами, лихорадочно поблёскивающими в оранжевом полумраке, который не способно было разогнать пламя единственной свечи. Там же в ванной он и переделся, сменив мокрые, заляпанные кровью вещи на отцовские, найденные в гардеробе. Всё время, пока находился в доме, Трой мысленно возвращался к плотно закрытой двери в родительскую спальню, но духа, чтобы зайти туда, не хватило. Зачем? Дом был цел. Теперь он точно знал, что они там. Лежат в кровати так, как он оставил их, уходя – накрытые цветастым покрывалом.

Набив найденный в подвале рюкзак всем, что могло понадобиться в дороге, он прихватил с крючка над верстаком в подвале старую отцовскую куртку и вышел в темноту